

Сергей Борисович РОССИНСКИЙ,

главный научный сотрудник сектора уголовного
права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии
наук (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор

s.rossinskiy@gmail.com

**ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ И ПОКАЗАНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ**

**WITNESS TESTIMONY AND VICTIM TESTIMONY AS MEANS OF PROVING
THE CIRCUMSTANCES OF CRIMINAL CASE:
FROM DIFFERENTIATION TO INTEGRATION**

Статья посвящена сопоставлению показаний свидетеля и потерпевшего как различных, но в то же время достаточно близких, родственных друг другу средств уголовно-процессуального доказывания, predetermined вербальным способом познания объективной реальности. Рассматриваются причины, способствовавшие дифференции данных информационных актов, – они связываются с произошедшей на рубеже 1950-1960-х гг. автономизацией роли потерпевшего в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем такая дифференциация оценивается как не вполне конструктивная. Говорится о разумности легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля в единый и унифицированный вид доказательств. Предлагается исключить показания потерпевшего из предусмотренного уголовно-процессуальным законом перечня допустимых к использованию средств доказывания с одновременной реставрацией некогда существовавших требований о допросах потерпевших в качестве свидетелей.

The article is devoted to comparing witness and victim testimony, as different, but at the same time quite close, related to each other means of criminal procedural proving, predetermined by the verbal way of knowing objective reality. The reasons that contributed to the differentiation of these information acts are considered - they are associated with what happened at the turn of the 1950s and 1960s. autonomization of the role of the victim as an independent participant in criminal proceedings. However, such differentiation is assessed as not entirely constructive. The reasonableness of the legal combination of the testimony of the victim and witness into a single and unified type of evidence is discussed. It is proposed to exclude the testimony of victim from the list of admissible means of evidence under the criminal procedural law with the simultaneous restoration of the once existing requirements for interrogating victims as witnesses.

Ключевые слова: виды доказательств, доказательства, допрос, очная ставка, показания потерпевшего, показания свидетеля, потерпевший, средства доказывания.

Keywords: types of evidence, evidence, interrogation, confrontation, victim testimony, witness testimony, victim, means of proving.

Показания – это одно из наиболее традиционных, известных и востребованных средств уголовно-процессуального доказывания, один из основных видов доказательств [5, с. 7]. История продуктивного использования подобных информационных активов для нужд уголовной юстиции насчитывает не одну сотню лет. А их распространенность в мировой правоприменительной практике и высокая популярность у субъектов доказывания, с одной стороны, обуславливаются возможностью получения «доступа» к идеальным следам произошедшего, к фрагментам памяти запечатлевших их людей, тогда как с другой – сравнительно простой, не предполагающей сложных поисковых операций процедурой получения, сводящейся к вербальному общению допрашиваемого лица с судом (прочими участниками судебного заседания), следователем либо иным уполномоченными на проведение допроса (другого вербального или предполагающего фрагменты вербальности процессуального действия) должностным лицом.

Российское уголовное судопроизводство тоже не стало исключением – ценность и познавательное значение показаний для познания подлежащих установлению обстоятельств были усвоены достаточно давно [9, с. 6]. По крайней мере, о показаниях как о средствах доказывания по уголовным (следственным) делам говорилось еще в архаичных Судебниках Московского государства, в Соборном уложении 1649 г. и более поздних источниках судебного права. В советском, а затем и постсоветском уголовно-процессуальном законодательстве показаниям традиционно стали отводиться первые позиции в легально устанавливаемых перечнях гипотетически равнозначных видов (источников) доказательств. В частности, именно такой подход присущ ч. 2 ст. 74 УПК РФ – показаниям подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и свидетеля посвящены два первых пункта общей «номенклатуры» допустимых к использованию для нужд уголовной юстиции средств доказывания.

Вообще под показаниями надлежит понимать результаты вербальных следственных либо судебных действий, главным образом

допроса и очной ставки – некие устные (вариативно – собственноручно написанные) сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым (подсудимым), потерпевшим, свидетелем, экспертом либо специалистом в установленном законом порядке, то есть в условиях, обремененных должными правовыми гарантиями процессуальной доброкачественности формируемых информационных активов как полноценных средств доказывания имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Иначе говоря, в основе показаний лежат закономерности так называемого вербального способа процессуального познания – одного из двух основных методов восприятия требуемой для установления случившегося информации, predetermined гносеологическими и психофизиологическими закономерностями аудиальной (вариативно – визуальной) когниции сведений, закодированных в условно-знаковую форму и передаваемых посредством звуковых (вариативно – письменно-знаковых) сигналов.

В публикациях автора настоящей статьи вербальный способ уголовно-процессуального познания рассматривается в наиболее широком ракурсе. Под ним понимается система гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия следователем, судом, иными субъектами процессуального познания любых поступающих сведений, выраженных в условно-знаковой форме, содержащих ранее сформированные в сознании подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, иных лиц относительно адекватные мысленные образы различных обстоятельств объективной реальности и предопределяющих формирование ими (субъектами познания) посредством рационального мышления собственных производных мысленных образов, подлежащих дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений. Причем вербальный способ процессуального познания существенно отличается от невербального способа познания в уголовном судопроизводстве, представляющего собой систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственно-го (визуального зрительного или посредством

иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем, судом, иными субъектами процессуального познания) материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся посредством наглядно-образного мышления в соответствующие мысленные образы, подлежащие условно-знаковой фиксации в протоколе и дальнейшему использованию для нужд правоприменительной практики, в первую очередь для обоснования правоприменительных решений [подр.: 7, с. 359].

Поэтому если итоги использования невербального способа процессуального познания главным образом выражаются в протоколах следственного (судебного) осмотра освидетельствования, обыска, следственного (судебного эксперимента) и подобных процессуальных действий, то результаты использования вербального способа сопряжены с формированием разных видов показаний, подлежащих получению посредством ряда следственных действий, основанных на устной коммуникации между их участниками.

К слову, в этой связи становится очевидной неприемлемость отождествления показаний исключительно с результатами допроса и очной ставки как процессуальных действий, состоящих не более чем в вербальном контакте располагающего некой информацией лица (двумя располагающими информацией лицами) с одной стороны и дознавателем, следователем либо судьей (судьями) и сторонами – с другой. Напротив, возникает уверенность в необходимости признания показаниями устных сведений, получаемых в ходе предъявления для опознания и проверки показаний на месте как следственных действий, предполагающих лишь фрагментарное использование вербального способа познания, его переплетение с иным, невербальным способом познания. Примечательно, что подобное широкое понимание показаний присуще уголовно-процессуальному законодательству некоторых постсоветских государств, например Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь; схожие позиции можно встретить и в целом ряде научных публикаций [напр.: 6, с. 7-8; 12, с. 132].

Однако в этой же связи нельзя не задать на первый взгляд несколько наивным, но вместе с тем вполне закономерным вопросом о причинах, приведших к потребности в нормативной дифференциации различных видов показаний, в четком обособлении показаний в зависимости от процессуального положения соответствующего лица, то есть в формальном разграничении информационных активов, возникающих на основе сведений, сообщаемых различными участниками уголовного судопроизводства. Ведь в силу единого для всех показаний способа познания разница между ними просто не может достигать столь существенной степени, которая наблюдается в отличиях показаний от прочих средств доказывания, например экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий или вещественных доказательств. Именно поэтому в некоторых современных публикациях доказательственной направленности предлагается вообще отказаться от предусмотренного нормами УПК РФ разграничения вариаций показаний; одновременно говорится о разумности объединения всех подобных активов в единый и укрупненный вид доказательств – в показания – без их формального разделения в зависимости от процессуального статуса соответствующего лица [3, с. 106].

Конечно, ввиду чрезмерной радикальности таких предложений согласиться с ними в полной мере достаточно сложно. Ведь различия между некоторыми вариациями показаний обуславливаются не столько разницей в наименованиях процессуальных статусов допрашиваемых лиц, сколько ролью и предназначением сообщаемых ими сведений для решения стоящих перед уголовной юстицией задач. Например, если направленность показаний свидетеля сводится исключительно к получению новой информации, подтверждающей или опровергающей какие-либо фрагменты предмета доказывания, то показания обвиняемого, помимо прочего, позволяют выяснить отношение человека к выдвинутой в его адрес уголовно-правовой претензии. А показания эксперта вообще способствуют не более чем должному пониманию и уяснению

результатов проведенной судебной экспертизы, в первую очередь сделанных выводов. Другое дело, что данные различия во многом обусловлены стремлением современного законодателя относить к показаниям любые, по крайней мере многие, формируемые посредством вербального общения информационные активы. Кстати, в этой связи не мешало бы напомнить, что ранее, в период действия «царского» и раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, показания могли быть только свидетельскими, тогда как, например, сведения, сообщаемые обвиняемыми (подозреваемыми), назывались объяснениями и т.д. Но тем не менее факт остается фактом: вытекающие из смысла действующего уголовно-процессуального закона России различные предназначения показаний тех или иных участников досудебного и судебного производства по уголовному делу явно не способствуют возможности полного отказа от формальной дифференциации таких средств доказывания с их объединением в единый и укрупненный вид доказательств.

Вместе с тем частичная реализация указанных предложений видится вполне приемлемой и даже разумной. Подобные идеи – о легальном объединении разных вариаций показаний в более укрупненные разновидности – представляются верными применительно к двум группам достаточно близких по смыслу и предназначению информационных активов: 1) к показаниям подозреваемого и обвиняемого; 2) к показаниям потерпевшего и свидетеля. И если рассмотрение надобности и перспектив интеграции показаний подозреваемого и обвиняемого в замысел настоящей статьи не входят – эти проблемы планируется рассмотреть в других публикациях автора – то вопросам легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля надлежит уделить более пристальное внимание.

Вообще подход к пониманию потерпевшего как уподобленного свидетелю обладателя полезных для уголовного дела сведений – человека, располагающего полезной для доказывания информацией: о событии преступления, о личности обвиняемого, о характере и размере причиненного вреда, о других подлежащих установлению обстоя-

тельствах случившегося – стал формироваться во второй половине XX в. Возникновение и развитие такого подхода было связано с автономизацией роли потерпевшего в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. И если ранее сообщаемые пострадавшими от преступлений лицами сведения признавались ординарными свидетельскими показаниями, а способами их получения являлись соответствующие допросы и очные ставки (например, подобное требование устанавливалось в примечании к ст. 284 УПК РСФСР 1923 г.), то в дальнейшем эти правила были изменены. Так, уже в ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. показания потерпевших считались отдельными, формально отличающимися от показаний свидетелей средствами доказывания (источниками доказательств), а в ч. 2 ст. 24 того же законодательного акта потерпевшему предоставлялось право давать показания. Аналогичные положения были закономерно включены в УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) и другие союзно-республиканские кодексы. Одновременно появились юридические гарантии доброкачественности указанных сведений. Например, в ч. 3 ст. 75 УПК РСФСР были предусмотрены нормативные отсылки к санкциям за беспричинную неявку потерпевшего в орган предварительного расследования, к прокурору или в суд, за отказ либо уклонение от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний. В ст. 79 УПК РСФСР стало говориться об обязательности судебно-экспертной диагностики психического или физического состояния потерпевшего при возникновении сомнений в его способностях адекватно воспринимать объективную реальность и сообщать правильные сведения. В ч. 2 ст. 287 УПК РСФСР было рекомендовано проводить судебный допрос потерпевшего ранее судебных допросов свидетелей и т.д. Более того, исходя из смысла ст. 164 УПК РСФСР потерпевший даже мог быть предъявлен для опознания другим лицам. А согласно ч. 3 ст. 183 УПК РСФСР потерпевшего стало дозволено привлекать к участию в следственном эксперименте – процессуальном действии, нередко проводимом в целях

получения и проверки показаний на месте, то есть для удовлетворения тех познавательных-удостоверительных потребностей, для которых в настоящее время в соответствии ст. 194 УПК РФ предусмотрен самостоятельный когнитивный прием.

К слову, все подобные новации удостоились множества позитивных оценок в научных публикациях. По крайней мере, активно занимающиеся проблематикой доказывания советские ученые-процессуалисты обычно писали о самостоятельном характере сообщаемой потерпевшими либо получаемой посредством их невербального обследования информации как о чем-то очевидном, само собой разумеющемся [напр.: 2, с. 17-20; 10, с. 412-413; 11, с. 572-575].

Поэтому не удивительно, что подход к пониманию потерпевшего как обладателя полезных для уголовного дела сведений сполна отразился и в современном уголовно-процессуальном праве. В УПК РФ в той или иной форме были воспроизведены все соответствующие положения позднесоветского законодательства, а некоторые из них даже подверглись определенной правотворческой интенсификации. Так, потерпевший остался управомочен и одновременно обязан давать правдивые показания, в том числе на комфортном для него языке. Ему по-прежнему допустимо пользоваться предусмотренными законом иммунитетами и прочими «свидетельскими» гарантиями юридической доброкачественности сообщаемых сведений. Сохранилась и предусмотренная законом возможность принудительного привода потерпевшего – в случаях преднамеренного уклонения от явки по вызовам в органы предварительного расследования или суд; остались и уголовно-правовые санкции за отказ потерпевшего от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Кроме того, возникли новые способы когнитивно-ориентированной работы с потерпевшими и дополнительные гарантии доброкачественности ожидаемых познавательных результатов. Например, согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ стало прямо дозволяться проверять показания потерпевшего «с выходом на ме-

сто». В силу ч. 8 ст. 193 УПК РФ появлялась возможность проведения предъявлений для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающих потерпевших опознаваемыми обвиняемыми (подозреваемыми) и т.д.

В принципе общий смысл подобного подхода к пониманию потерпевших представляется вполне ясным. Ведь такие участники уголовного судопроизводства обычно очень хорошо осведомлены о подлежащих установлению обстоятельствах, поскольку являются носителями идеальных следов совершаемых в отношении них преступных деяний. Поэтому отказы дознавателей, следователей, прокуроров, судей и даже прочих субъектов доказывания от получения от потерпевших вербальных сведений выглядели бы по меньшей мере странными.

Вместе с тем целесообразность впервые введенных советским законодателем и существующих по сей день правовых норм, предполагающих формальную обособленность показаний потерпевших, их отграничение от достаточно близких по содержанию свидетельских показаний, выглядит весьма сомнительной. Конечно, разгадать подобные правотворческие замыслы не так уж и сложно. Вполне очевидно, что в силу принадлежности к стороне обвинения и, как правило, заинтересованности в исходе соответствующих уголовных дел потерпевших, действительно, не нужно полностью отождествлять с «классическими» свидетелями, то есть абсолютно беспристрастными, преимущественно случайными наблюдателями каких-либо значимых для уголовной юстиции обстоятельств. На данные нюансы также неоднократно обращалось внимание в целом ряде различных доктринальных источников [4, с. 178-179; 8, с. 132-133, 144-145; 13, с. 40].

Однако имелась ли когда-нибудь подлинная надобность в формальном (не в фактическом, а именно формальном, законодательно закрепленном!) разграничении показаний потерпевших и свидетелей? Думается, что нет.

Различия между такими сведениями видятся не столь существенными, явно не обеславливающими потребности в создании

вариативных правовых режимов проведения соответствующих процессуально-когнитивных приемов, в первую очередь допросов. Собственно говоря, подобной вариативности, то есть особой разницы в правилах получения показаний потерпевших и свидетелей, как не было, так и нет – согласно ст. 78 и 79 УПК РФ эти доказательства подлежат формированию посредством проведения унифицированных следственных (дознательских) и судебных приемов, за исключением нескольких незначительных деталей, например недопустимости прелиминарного (до проведения допроса) удаления потерпевшего из зала судебного заседания, его диспозитивной возможности быть допрошенным в любой момент судебного следствия и т.п.

Более того, вытекающая из процессуального положения потерпевшего заинтересованность в исходе уголовного дела зачастую является лишь потенциальной. В реальности многие из таких лиц оказываются совершенно равнодушными к перспективам осуществляемых (в том числе «для них»!) уголовных судопроизводств в целом и судьбам подвергаемых уголовным преследованиям обвиняемых (подозреваемых) в частности, в связи с чем относятся к вызовам в органы предварительного расследования и судебные заседания для дачи показаний как к изнурительным формальностям. К слову, нечто подобное много лет назад произошло и с автором настоящей статьи. Так, неустановленные лица, по всей вероятности, несовершеннолетние, в ночное время разбили стекло принадлежавшего автору автомобиля, проникли в салон, откуда тайно похитили полупустую пачку сигарет и две пачки жевательной резинки – никаких более ценных предметов в автомобиле просто не оказалось. Прекрасно осознавая всю «ничтожность», в определенном смысле даже курьезность произошедшего, автор написал заявление в милицию лишь с целью надлежащей фиксации обстоятельств случившегося – для последующего обращения в страховую компанию по поводу замены разбитого стекла, поэтому после возбуждения соответствующего уголовного дела автору пришлось несколько раз являться по вызовам

дознателя для признания потерпевшим и дачи показаний. Однако никакого особого интереса к данному уголовному делу у автора, конечно, не было. К тому же позднее уголовное дело было приостановлено ввиду неустановления подлежащих привлечению к ответственности лиц.

Вместе с тем некоторые свидетели, напротив, в силу самых различных обстоятельств: родственных и прочих связей с обвиняемыми и потерпевшими и т.п. – подчас проявляют гораздо боольшую заинтересованность в исходе соответствующих уголовных дел. А их показания в силу тех же причин являются весьма далекими от объективности и беспристрастности.

Примечательно, что наиболее серьезные практические затруднения в оценке свидетельских показаний на предмет их непредвзятости начались вследствие появления возможности признания потерпевшими юридических лиц. Вызываемые в органы предварительного расследования или судебные заседания бенефициары, акционеры, руководители и прочие «неравнодушные» к продуктивной работе пострадавших от преступлений предприятий, учреждений, иных организаций люди стали формально допрашиваться в качестве свидетелей, хотя говорить об их незаинтересованности, конечно, не приходится. И поэтому в современных научных публикациях можно встретить ряд предложений, направленных на разрешение данных проблем, в первую очередь посредством появления дополнительных правовых гипотез и обусловленных ими специальных диспозиций [1, с. 109-110; 14, с. 108-109]. Хотя наиболее разумные способы преодоления указанных трудностей все же видятся несколько в ином – в устранении самих причин, приведших к их возникновению.

Подводя итоги, можно еще раз контрастировать целесообразность легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля в единый и унифицированный вид доказательств. В этой связи законодателю не мешало бы всерьез задуматься об исключении показаний потерпевшего из предусмотренной УПК РФ «номенклатуры» допустимых к

использованию для нужд уголовной юстиции средств доказывания с одновременной реставрацией давно позабытых требований о допросах потерпевших (то есть жертв преступлений, пострадавших от преступлений лиц) именно в качестве свидетелей.

Конечно, подобные тезисы не нужно воспринимать как некий призыв к революционным изменениям положений доказательственного права. В конце концов, существующие правовые основы участия потерпевшего как носителя predisposed к использованию в доказывании по уголовному делу

сведений являются достаточно устоявшимися, вследствие чего попытки их поспешного и импульсивного реформирования могут привести к еще более нежелательным последствиям. Поэтому любым подобным изменением должна предшествовать должная теоретическая проработка соответствующих проблем. А высказанные предложения должны восприниматься не более чем фрагмент посильной лепты в решение данной научной задачи – именно такие цели и ставились автором при подготовке настоящей статьи.

Библиографический список

1. Авдеев, В.Н. Некоторые аспекты участия представителей потерпевшего и гражданского истца в производстве по уголовным делам / В.Н. Авдеев, И.О. Воскобойник // Журнал российского права. – 2007. – N 5. – С. 107-113.
2. Галкин, В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 1 / В.М. Галкин. – М.: Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз, 1967. – 48 с.
3. Козловский, П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение / П.В. Козловский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 196 с.
4. Кокорев, Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 268 с.
5. Лазарева, В.А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе / В.А. Лазарева, Д.В. Попов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 157 с.
6. Новиков, С.А. Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2010. – N 2. – С. 7-11.
7. Россинский, С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С.Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. – 2013. – N 3. – С. 354-365.
8. Савицкий, В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. – М.: Юридическая литература, 1963. – 171 с.
9. Сидорова, Н.В. Показания свидетеля в российском уголовном процессе / Н.В. Сидорова. – Тюмень, Тюменский госуниверситет, 2007. – 252 с.
10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1 / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
11. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юридическая литература, 1973. – 734 с.
12. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань: Казанский госуниверситет, 1976. – 206 с.
13. Шаров, Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве / Д.В. Шаров. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 216 с.
14. Ширяева, Т.И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические проблемы участия в уголовном судопроизводстве / Т.И. Ширяева. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010. – 144 с.